

Книга Разрушений пишется нами¹

DOI: 10.53953/08696365_2023_179_1_294

Завьялов С. Оды (1984—1990)

М.; СПб.: RUGRAM, Пальмира, 2021. — 184 с. — (Серия «Часть речи»)

Контекст начала творческого пути Сергея Завьялова — застой, продолжающаяся война в Афганистане, кризис культуры и политического развития СССР, обернувшиеся перестройкой и распадом советской империи. Считается, что именно в данной ситуации начиналась пересборка поля неподцензурной поэзии, его небезболезненная эволюция в поле актуальной поэзии².

Если исходить из этого знания, то при чтении новой книги Завьялова возникает вопрос: почему именно сейчас вышло переиздание этих ранних текстов, не вошедших в «Стихотворения и поэмы» (М.: НЛО, 2018)? Одним из самых простых ответов будет некий хронологический параллелизм между застоем 1964—1987 годов и застоем авторитарного капитализма 22-летнего правления Путина³. Не сводя только к этому аспекту, важно подчеркнуть, что проблематизация обеих эпох, культуры как неизбежной надстройки и постколониального мышления в его эмансипаторном и травматографическом изводах в книге «Оды (1984—1990)» возникает как за счет новой редакции текстов эпохи застоя, так и за счет публикации новых переводов од Горация во второй части.

Теперь подробнее обо всем этом. Кажется, что контекст двух застоев в этой книге рефлексивируется через критическую оптику, высвечивающую гегемониальную природу любой великой культуры. В стихах Завьялова это организуется посредством парафраз античной поэзии, стиха-руины и столкнове-

- 1 Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00205.
- 2 О сложной эволюции неподцензурного контекста в актуальный наиболее подробно пишет Илья Кукулин. См. его статьи: *Кукулин И.* Актуальный русский поэт как воскресшие Аленушка и Иванушка // Новое литературное обозрение. 2002. № 53. С. 273—297; *Кукулин И.* «Сумрачный лес» как предмет ажиотажного спроса, или Почему приставка «пост-» потеряла свое значение // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 359—391.
- 3 Этому застою в условиях новых медиа был посвящен 22-й номер журнала «Транслит» «Застой / быстрые коммуникации», в котором исследовался актуальный «метазастой = (советский) застой + быстрые коммуникации». Как считает философ Михаил Куртов, «эти последние играют двусмысленную роль: с одной стороны, они позволяют власти выпускать народный пар и частично препятствуют протестной мобилизации, с другой стороны, дают коллективам возможность моментально диагностировать ситуацию и наращивать социальный и символический капитал» (Транслит. 2019. № 22. С. 4).

ния эстетики эпиграфов с тематикой насилия в самом тексте. Так, например, работает стихотворение «На родине Сталина», в которой эпиграфы из Галактиона Табидзе и Осипа Мандельштама, проблемные сами по себе, усиливают звучание темы насилия и разрушения:

<...>
набережная имени
кисти жизнелюбящей его
всеземного его
торжества.
(С. 30)

Вообще образ Сталина как культурного гегемона, самого ставшего тотальным произведением «великой культуры», которую же он и строил (см. «Gesamtkunstwerk Сталин» Бориса Гройса) неоднократно появляется в этой книге («Километры пшеничных полей / братские кладбища // Библейское имя Сталин / С ним выползти из укрытия и умереть» (с. 25)). По мысли Антонио Грамши, культура — это «орудие правления в руках господствующих групп, посредством которого достигается согласие и осуществляется гегемония по отношению к подчиненным классам»⁴. И в этом плане осколки «великих культур» прошлого в поэтике Завьялова особенно акцентируют внимание на социальной обусловленности культуры как неизбежной надстройкой. В этом плане стихи этой книги оказываются близки не «ретромодернизму» (понятие самого Завьялова) кривулинского извода, то есть «апелляции к досоветскому (ранне-модернистскому) культурному опыту»⁵, на что указывает В. Шубинский в предисловии, а к рефлексивной поэтике Сергея Стратановского, высвечивающего насилие, вшитое в историю и культуру⁶.

Тот же Грамши настаивает на понимании смены исторических эпох как борьбы и смены различных форм гегемонии, поэтому и возникает сложность отделения истории культуры от истории угнетения. В одах критический взгляд на это проявляется и через руинированное письмо: «Поэтика Завьялова — это поэтика текста-руины, в которой произведение утверждается в момент собственного распада, на вершине крушения. Не целое как таковое, а его обнаженная конструкция составляет здесь нерв предполагаемого воздействия»⁷.

Стих-руина собирается и из обрывков цитат классической русской и античной литературы («Я памятник воздвиг тебе / ... // *Нерукотворный мир / тихо / осеннее кладбище плоти*» (с. 21)), и через образы руин и разрушений («серый периметр развалин» (с. 30)), и через деструкцию классических форм (от касад до элегических дистихов), и через особую структуру стиха, о которой Ю.Б. Орлицкий пишет, что «лишь малая часть полустрочных отрезков завьяловского стиха точно совпадает с силлабо-тоническими образцами, так что пе-

-
- 4 Грамши А. Тюремные тетради // <https://civisbook.ru/files/File/Gramshi,tetradi.pdf>.
5 Шубинский В. Знак принятия за своего // Завьялов С. Оды (1984—1990). М.; СПб.: RUGRAM, Пальмира, 2021. С. 6.
6 См.: Гриценко К. «Я часто пишу о насилии». Интервью с поэтом Сергеем Стратановским // <https://gorky.media/context/ya-chasto-pishu-o-nasilii/>.
7 Скидан А. Обратная перспектива. Предисловие к книге Сергея Завьялова «Мелика» // <http://www.litkarta.ru/dossier/skidan-zavialov-predislovie/>.

ред нами, вопреки лукавому авторскому указанию, вовсе не логаэд⁸, а самый настоящий верлибр, замаскированный под логаэд»⁹.

Такое рунированное письмо 1980-х предвосхищает и зачинает проект «масштабной деконструкции привычной системы представлений, ассоциированной с поэзией»¹⁰, продолженный в последующих книгах Завьялова. С другой стороны, именно такая техника и выявляет бреши в высокой культуре, через которые и просвечивает империалистическое насилие и угнетение.

Осколки «великих культур» собираются в специфическое высказывание о том, что любая высокая культура обречена на крушение с течением времени и становится лишь фундаментом для последующих высоких культур:

<...>

бантики летающие при повороте

мгновенном лица назад...

почти что римские щеки мальчиков...

и этот смех над ленинским гробом белым от снега

вызывающий порой раздраженье

порою гнев.

(С. 42)

Но эти же осколки высвечивают и другую сторону культурной гегемонии, а именно «историческую неизбежность построения “великой культуры” как неотъемлемую часть лобой надстройки» и невозможность выстроить «непротиворечивую историю, скажем, поэзии или музыки, исключительно на материале культуры, альтернативной культуре эксплуататорских классов и империалистических гегемонов»¹¹. Наиболее четко это прослеживается в переводах од Горация, которые впечатляют не только своим свободным стихом, ориентированным на античное звучание, и интересны не только иным взглядом на трагизм «золотой клетки» поэта, прикованного к политическому режиму так, что «“противостоять режиму”, который остановил полувековое братоубийственное кровопролитие, наделил землей безземельных крестьян, запустил социальный лифт для выходцев из социальных низов, при котором резко поднялось благосостояние рядового человека ценой ограничения свобод для горстки олигархов, было бы и безумно и бесчеловечно», однако «поддерживать же вождя, который при всей его харизме бездушно манипулирует своим окружением и даже членами своей семьи, объявляет себя сыном бога — унижительно» (с. 90). В переводах од Горация Сергей Завьялов достигает уникального эффекта — он делает их актуально звучащими:

8 Логаэд — «в современной интерпретации это стих, создающийся из разных силлабо-тонических стоп, соединенных в строки и строфы по определенным строгим законам» (Орлицкий Ю.Б. Стихосложение новейшей русской поэзии. М.: Языки славянской культуры, 2020. С. 17).

9 Там же. С. 922.

10 Корчагин К. Гальванизированный мелос. О новых стихах Сергея Завьялова // Воздух. 2010. № 4 (<http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2010-4/galvanized-melos/>).

11 Из личной переписки с Сергеем Завьяловым.

Будет помнить оскудевшее грехами отцов
поколение как граждане точили мечи —
не на гибель персам — будет помнить
о бесславной резне.

(С. 98)

В каждой строке этих переводов отражается трагедия поэта в «золотой клетке» великой культуры на фоне диктатуры Августа, остановившего гражданскую войну, но установившего принципат и неограниченную личную власть, ведущего империалистические войны для укрепления Рима и т.п. Этим переводам, конечно, не следует приписывать дидактизм «уроков истории». Однако они показывают, что за любой культурной мифологией освободителя скрывается фигура тирана, наталкивая на размышления о том, что за окончившимися девяностыми в России последовало время ничуть не лучше.

Переводы Горация раскрывают травматогрфический аспект постколониальной проблематики книги. Но есть в ней место и другому аспекту — эмансипаторному, то есть поиску освобождения от цепей «великих культур». Этому посвящены мордовские стихи, в которых исследователи видят «интернациональный» свободный стих¹² (Ю.Б. Орлицкий), «новый миф, порожденный новой хтоницей»¹³ (В. Шубинский), создание этно-поэтики¹⁴ (А. Скидан), работу по реконструкции того, «чем могла бы быть мордовская национальная традиция, не будь она вытеснена на периферию европейского мира» и «перевод» концептуального аппарата «этой традиции на язык современной поэзии»¹⁵ (К. Корчагин).

Именно мордовская мифопоэтика конкретно в этой книге становится началом, структурирующим как поиски идентичности, так и способы сопротивления «великой культуре», строящейся на эксплуатации и угнетении:

Пусть не радуются русские:
инязор Тюштян с лучшими из эрзи
пробился на Теплое море

пусть не кичатся татары:
Тюштян-владыка самых храбрых из мокши
на Теплое море увел.

(С. 62)

Подобный поиск эмансипаторного начала в критике культурной гегемонии и рунированном стихе находит свое продолжение и в поэзии поколения 2020-х — это и рунированный нарратив Кати Сим, и вывернутые сонеты («подлунные перевертыши») Максима Дрёмова. Но наиболее последовательно линию Завьялова в столкновении осколков античной и, шире, европейской культуры и ее империалистического начала развивает Егор Зернов в цикле «Героиды».

12 Орлицкий Ю.Б. Стихосложение новейшей русской поэзии. С. 936.

13 Шубинский В. Знак принятия за своего. С. 8.

14 Скидан А. Обратная перспектива. Предисловие к книге Сергея Завьялова «Мелика».

15 Корчагин К. Гальванизированный мелос. О новых стихах Сергея Завьялова.

Поэтому, как представляется, выход рефлексирющей два застоя книги Сергея Завьялова «Оды (1984—1990)» в то время, когда великая русская культура снова обнажила свое империалистическое насилие, создает контекст пересборки критической оптики и эстетической проблематики новых поэтических поколений. Ведь постколониальное мышление и критика высокой культуры организывает проблемное восприятие реальности, столь необходимое в условиях авторитарного капитализма в России, который рано или поздно будет разрушен:

<...>

а Книга Разрушений

пишется нами

для нас о нас.

(С. 42)